

ЕЛЕНА ЖУКОВА
**ПАСХАЛЬНОЕ
ЧУДО**

Елена Жукова

Пасхальное чудо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70616764

SelfPub; 2024

Аннотация

В Пасхальное утро героиня выходит на утреннюю пробежку. Только все идет не так, как обычно. И её не оставляет тревожное предчувствие, что что-то должно случиться...

Елена Жукова

Пасхальное чудо

На часах было шесть пятнадцать. Я сунула ноги в кроссовки, натянула любимую сиреневую худи и в последний раз оглядела себя в зеркале. А ты, Катюша, ещё очень даже ничего! Хотя тридцать четыре – это то ли старость молодости, то ли юность старости. Из трёх моих подружек одна уже накачала губы силиконом, а другая вшила в лицо золотые нитки. Но я пока держалась.

Сегодня воскресенье плюс Пасха – большой праздник. Можно было бы поспать подольше. Когда я выбиралась из-под одеяла, Родион выдохнул «сумасшедшая», перевернулся на другой бок и снова засопел – виртуозно, с раскатистыми соловьиными коленцами.

Но в тренировках главное – не сорваться с ритма. Позволишь себе раз, потом другой – и здравствуй, жирная жопа. Это в двадцать лет вес легко приходит и легко уходит. А в моём, то есть почти бальзаковском, возрасте каждый грамм должен быть на учёте: сколько по дебету, столько же и по кредиту, чтобы сальдо по бокам неросло.

Я выскочила из пыльной темноты подъезда на улицу и зажмурилась. На Пасху Боженька припасает себе драгоценные дни, сверкающие золотом, синей эмалью и малахитом новорождённой зелени. Солнце сегодня выглядело особен-

но чистым, ухоженным, словно его отдраили от уличной грязи небесные гастарбайтеры. Терпкий весенний запах, в котором мешались гниль прошлого и сок будущего, пьяно кружил голову. А недопроснувшееся тело требовало утренней дозы адреналина. Я глубоко вдохнула и побежала.

Дорожка тянулась по бульвару между строем неуютных сталинских девятиэтажек и проезжей полосой асфальта. За ней вздымалась насыпь железки, и параллельным курсом бежали фирменные серо-красные вагончики.

Бульвар был пуст – даже собачники по воскресеньям предпочитали продлить утреннюю негу. Время «яжематерей» с колясками и вечно-праздных пенсионеров наступало не раньше одиннадцати. Безлюдная, тихая в предвкушении нового дня улица принадлежала мне и только мне.

Вдох на два шага, выдох на другие два, вдох-выдох. Обычно после первых метров надсадного преодоления подступала эйфория господства над собственным телом. Вдох-выдох – слежавшиеся лёгкие расправлялись от притока свежего кислорода. Вдох-выдох – закисшая за ночь кровь минералкой пузырилась в трубах артерий и вен.

Но сегодня что-то пошло не так: энергия радостной бодрости утекала через невидимую брешь. Ноги с трудом отдирались от земли, словно на подошвы кроссовок налипла жвачка. А внутри бултыхалась тяжёлая муть, которая давала о себе знать бурчанием в животе и поднималась к горлу кислой отрыжкой. Не надо было пить кефир, на неделю забытый

в холодильнике!

Впереди на расположенной светотенью дорожке показалась дама с собачкой. Я уже давно выучила всех здешних собачников с их Рексами и Мухтарами, но эту парочку раньше не видела, иначе непременно запомнила бы.

Возраст незнакомки опасно приблизился к роковой черте, что отделяла женщину от старухи. И дама сопротивлялась неизбежному из последних сил. Следы этой тщетной борьбы сквозили в поношенной широкополой шляпке, кокетливом капроновом шарфике, маскировавшем дряблую шею, в длинной юбке с блескучими нитями люрекса. Особенно нелепым казалось то, что всё это уценённое великолепие выгуливалось у дома в половине седьмого утра.

Подбежав ближе, я разглядела бледное от пудры лицо с чахоточными пятнами румян и неестественно-чёрными стрелками поверх выщипанных бровей. Броский, почти что клоунский, макияж призван был скрыть нанесённый годами ущерб, но, напротив, только выпячивал его. Вид незнакомки навевал щемящее чувство жалости. Так выглядело одиночество – жестокая расплата за грех себялюбия, нежелания обременять себя потомством.

Рядом с увядающей красоткой трусила лохматая болонка, превращённая капризом хозяйки в живую игрушку. Заколка в стразах перехватывала собачью чёлку. Субтильное тельце было облачено в белую курточку, расшитую золотой тесьмой и блёстками, а на талии топырилась розовая балетная пач-

ка, из-под которой высовывалась мохнатая загогулина хвоста. Я невольно замедлила бег – хотелось разглядеть парочку во всех цветистых подробностях, чтобы за завтраком повеселить Родиона.

Вдруг в глазах полыхнуло красным – открывшееся в соседнем доме окно стрельнуло острым солнечным бликом. Сердце отозвалось испуганным перебоем, а к горлу снова подступила кислая тошнотная муть. Изображение дамы с собачкой раздвоилось и поплыло.

Я на ходу помотала головой, чтобы восстановить сбившуюся резкость. И в шатком воздухе увидела, как собачонка поднялась на хлипкие задние лапки, задрала курносую морду и уставилась на меня немигающим взглядом выпуклых чёрных глаз. Сюр какой-то! Когда люди так смотрят, начинаешь подозревать, что что-то не в порядке: тушь размазалась, или пуговица на пикантном месте расстегнулась. Но что привлекло собаку? Вопросительный взгляд на хозяйку ничего не прояснил – та была погружена в собственные невесёлые мысли и не заметила странного трюка болонки.

Я пробежала мимо странной парочки, но вскоре не выдержала и оглянулась. Собачонка по-прежнему балансировала на трясущихся от напряжения лапках и упорно смотрела мне вслед. Я оборачивалась еще дважды и каждый раз видела застывший меховой столбик в розовой балетной пачке.

Внезапно надёжное ощущение реальности стало стремительно таять. А взамен явилась театральная отстранённость

– словно я следила за происходящим на ярко освещённой сцене из глубины тёмного зала. И девушка в сиреневой худи на дорожке бульвара была то ли я, то ли не я, а актриса со знакомым лицом, фамилию которой я никак не могла вспомнить. Только липкая неотвязная мутота внутри оставалась отвратительно материальной.

Тропинка вильнула вправо к недавно обустроенной площадке для скейтеров и роллеров. На новеньком пластиковом заборе уже успела появиться пачкотня граффити. Угловатые колкие буквы предупреждали: «Не дёргай Бога за бороду!».

Я застыла в шоковой заморозке. Сюр продолжал сгущаться. Процессор мозга завис, тщетно пытаюсь постичь смысл высказывания неизвестного райтера. Что это: предостережение? Или невнятный итог размышлений о жизни? Но надпись откровенно цепляла: недостающим кусочком она встроилась в пазл смещённой реальности. Теперь я точно знала: что-то должно случиться. И от этого смутного предощущения усиливалась тошнота.

С молодой осанистой липки на забор перепорхнула синица: повертелась, наклонила вбок белощёкую головку и деловито поточила о пластик роговой клювик – будто зубы почистила перед едой. Жаль, я не догадалась взять с собой хлеба. Впрочем, хлеба дома не было, только Пасхальный кулич, презентованный Родионовой мамашей. Чёрствый, как её отношение ко мне. Но для птицы сгодился бы. Я раскрыла пустую ладонь: извини, птаха, ничего нет. Синичка разочаро-

ванно чивикнула, вспорхнула и полетела по своим делам.

Вскоре я дотрюхала до спортивной площадки. Пробежка и разминка были моим каждодневным вкладом в здоровый образ жизни. Но сегодня я без сил рухнула на ближайшую скамью, откинула голову на спинку и подставила бледное после зимы лицо солнечным лучам. Под закрытыми веками сгустилась кровяная краснота, и замельтешили шустрые чёрные мушки. Лениво подумалось: может, ради праздника не стоит насиловать подорванный несвежим кефиром организм?

Внезапно возникло беспокойное чувство, что я не одна. Вскинула голову: на край лавочки под села женщина. Лицо её было в тени, но лёгкие седые волосы в контровом свете нимбом сияли надо лбом. И было в ней что-то не просто знакомое, а родное. Нет, не может быть! Я задохнулась от счастливого изумления.

– Мама?

Женщина узнаваемым жестом склонила голову к правому плечу. «Птичка-невеличка моя» – так называл её отец. Косой луч солнца озарил половину лица: высветил прозрачность серого глаза и оспинку от фурункула на щеке. Мама!

Она ушла семь лет назад, в июле. И я до сих пор не могла простить себе, что не вызвала неотложку при первой схватке боли. Мама не хотела в больницу, думала, всё обойдётся. И я, послушная девочка, совершила ужасную, непростительную, непоправимую глупость. Когда врачи приехали, было

уже поздно – неровные всхлипы угасающего дыхания предвещали скорый конец.

Я помнила отпевание в церкви: костяное лицо в гробу, лишь отдалённо напоминавшее маму, бумажная ленточка на лбу, тяжёлый запах ладана и увядающих роз... Пламя свечи дрожало вместе с рукой, воск густыми каплями стекал на квадратную бумажку. Сквозь линзу слёз я следила за девочкой лет четырёх – дочкой одной из певчих. На крепеньких ножках, обутой в сандалики, малышка протопала ко гробу. Она без страха взглянула в бескровное лицо покойницы, крутанулась на пятке и двинулась по лучу к открытой двери, за которой сиял свет солнечного дня – такого же, как сегодняшней, Пасхальной. И меня тогда утешило, что младенческая чистая душа проводила маму к порогу иномирья.

Как мама оказалась здесь? Я собственными глазами видела, как её мёртвое тело зарыли в землю. И это трикотажное платье с белым кружевным воротничком я лично отнесла в церковь для неимущих.

– Мама, это ты? – осторожно спросила я. Голос отказывался подчиняться, хрустел сухарём. – Откуда? Как?

– Соскучилась. Вот, решила проведать тебя, донюшка (от этого почти забытого нежного имечка внутри стало горячо). Сегодня Пасха. «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ...». И нам, грешным, живот даровал.

– Мама, ты... Ты реальная?

– Смотря что ты называешь реальным, – лучисто улыбно-

лась она. – Всё, что происходит с тобой, реально. Даже, если это совершается только в твоём мозгу.

Мамина учительская профессия укоренилась привычкой поучительности. «Профессиональная деформация» – смеясь, признавала она. И в подтверждение рассказывала анекдот про коллегу, Валентину Николаевну, которая с комиссией из РОНО поздоровалась накрепко затверженной формулой: «Здравствуйте. Садитесь».

В детстве, когда я агрессивно отстаивала свою самость, мамин поучительный тон меня бесил. А сейчас умилил до слёз: было в мире нечто неизменное, даже после смерти.

– Значит, ты существуешь только в моём мозгу? – мне хотелось определённости.

– Я этого не говорила, – сияющая всеведением улыбка стала ярче.

– Можно мне обнять тебя, мам?

Мама слегка отстранилась и выставила вперед запрещающую ладонь.

– Ты как Фома: не поверишь, пока не вложишь персты в раны. Всё такая же неверующая, да, Катюша? Помнишь, в детстве ты оторвала деду Морозу бороду, чтобы проверить, настоящий он или нет.

Я тут же вспомнила злосчастную ёлку: скучную очередь на фотографирование, и самого деда – огромного, страшного дядьку с помидорным носом и длинной мочалкой бороды. Отец усадил меня к нему на колени, и я задохнулась вою-

чим прогорклым запахом пота (бедняга целый день пропарился в помещении в шубе). А когда дед наклонился спросить имя, и его колючая лавсановая борода проехала по моей щеке, я дёрнула. И вовсе не потому, что хотела проверить, а от брезгливого отчаяния.

– Кстати, как отец? Ты с ним видишься?

– Нет, – губы сами собой скривились в жёсткую презрительную усмешку. – Зачем? У него и без меня всё отлично. В прошлом году родил сына и снова стал молодым папашей. А дочери уже семь – осенью в школу пойдёт.

– Хорошо, – одобрительно кивнула мама. – Андрей всегда мечтал о сыне. Почему ты не хочешь простить отца?

– Я не могу: он предал нас. Он даже на твои похороны опоздал!

– Ты уже взрослая, Катюша, а обижаешься, как маленькая девочка. Андрей сделал всё, чтобы вырастить тебя, воспитать, дать хорошее образование. Не вини его. От поздней любви трудно отказаться.

– А ты его простила, мам?

– Конечно.

Она ещё при жизни простила. Это я хранила, лелеяла обиду за себя и особенно за неё.

– Забудь плохое, но цени всё хорошее, донюшка. И ты станешь счастливее, – мама прищурила лучистые глаза. – Бог всех рассудит.

– Мам, а он есть? Бог?

– Есть. Но не такой, каким ты его представляешь.

– А какой? – я затаила дыхание: ещё мгновение, и всё откроется.

– Придёт время, узнаешь. Это невозможно объяснить.

Насколько я помнила, у мамы был особый талант объяснять – её ёмкие метафоры справлялись даже с физикой и мозголомной тригонометрией.

– Ну, мам, – упёрлась я, – скажи. Я должна знать.

– Самое главное не знать, а верить. Ощущать Бога в себе, – и тут же перевела разговор. – Лучше расскажи, как ты живешь, донюшка. Мы так давно не виделись.

– Всё хорошо. Работаю всё там же, всё тем же – бухгалтером. Летом ездила в отпуск в Кисловодск. Вот, бегаю по утрам. Только сегодня что-то неважно себя чувствую.

– Ну, это нормально в твоём положении, – понимающе улыбнулась мама.

– В каком положении? – похолодела я.

– Ты беременна. Разве ты не чувствуешь ребёнка?

Память услужливо сделала подборку ранее необъяснимых фактов, а логика связала воедино и подвела пугающий итог: я беременна.

– Какой ужас! – горло перехватил тошнотный спазм, и я зажала ладонью рот.

Мамины прозрачные глаза помрачнели осуждением.

– Раньше женщины по-другому реагировали на благую весть.

– Я не хочу, мам. Ты не понимаешь! У нас снова война. Она идёт уже третий год и неизвестно, когда и чем всё закончится. Только сумасшедшие могут заводить детей в такое время.

– Поверь, донюшка, времена никогда не бывают достаточно хорошими. Когда я рожала тебя, страна разваливалась, магазины стояли пустыми. Даже молока купить было невозможно! Питание для новорождённых выдавали по талонам. Папа утром ходил на молочную кухню и приносил для тебя бутылочки.

В самом деле? Нет, я, конечно, знала, что девяностые принято называть «лихими». Но была уверена, что наша семья пережила эту «лихость» без убытков. Мне досталось счастливое ванильно-сливочное детство. Родители удовлетворяли алчность моих младенческих желаний, и я никогда не задумывалась, чего им это стоило.

– Если даже тогда было трудно, что же говорить о сегодняшнем дне? Дефицит – это ничто по сравнению с бомбёжками и обстрелами.

Мама с притворным недоумением оглянулась вокруг: где? Мир, согретый ярким пасхальным солнцем, наполненный пряными запахами и птичьим гомоном, выглядел таким безмятежным, таким готовым к новому цветению и плодотворению, что мои аргументы растаяли мыльными пузырями. Я смутилась, но не сдалась.

– Это может случиться в любой момент. Мир балансирует

на грани. Я не хочу, чтобы мой ребёнок страдал!

– Ты любишь своего мужа? – пытливо прищурилась мама.

– Мужа? – удивилась я.

– Отца ребёнка.

– Мы с Родионом не расписаны... Просто живем вместе.

Он – мой коллега. И да... люблю.

– Неправда. Катюша, ты не умеешь лгать. В противном случае не ссылалась бы на времена. Ты ещё не встретила свою настоящую любовь. Но она уже зреет внутри тебя. Прошу тебя, не отказывайся от неё.

– Нет, мам, не могу! Это безответственно! В конце концов, у меня есть право решать, хочу я завести ребёнка или нет.

– Заводят кошечек и собачек, донюшка. А дети посылаются как дар. Есть ли у тебя право отказаться? Наверное, есть. Но мир сейчас балансирует на грани именно потому, что люди слишком увлеклись собственными правами и напроць забыли о долгах.

– Я всегда плачу свои долги! – независимость была предметом моей гордости.

Но мама в ответ только снисходительно-любовно усмехнулась.

– Долги людские – это не ипотека. Не дёргай Бога за бороду, донюшка.

Слова показались странно-знакомыми, но не было времени раздумывать, почему. Я спешила выдать маме новые до-

казательства собственной правоты.

И тут внезапно что-то ткнулось мне в ногу. Я опустила глаза: у кроссовки лежал неизвестно откуда подкатившийся резиновый мячик, составленный из четырёх разноцветных ломтей. У меня в детстве был точно такой же: сине-красно-жёлто-зелёный. От нечаянного привета из радужного детства стало легко и радостно.

– Мам, помнишь...? – я повернулась к маме.

Но рядом со мной никого не было. Только на спинке скамьи примостилась белощёкая синица – «птичка-невеличка». Она хитро склонила головку набок, блеснула бисеринкой глаза, чивикнула. А затем вспорхнула и неровными воздушными нырками – вверх-вниз, вверх-вниз – полетела прочь.